

Научная статья
УДК 378+72.06+72.01
DOI: 10.15293/1813-4718.2202.02

Социокультурная динамика формирования идентичности

Чапля Татьяна Витальевна¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Обращение к феномену идентичности продиктовано неустойчивостью современной ситуации и вынужденным поиском себя в мире «текущей современности», потребностью в формировании в процессе социализации идентификации личности, способной переключаться с одной идентичности на другую.

Цель. Анализ динамики формирования идентичности в историческом контексте, прошедшей путь от «мы» к «я» и «я'» через процессы подражания, обучения и переключения.

Методология и методы. Исследование построено с использованием трех научных парадигм: 1) символического интеракционизма; 2) дискурсивного подхода; 3) социологии знания.

Результаты. Динамика формирования идентичности в истории человечества прошла минимум три этапа, в направлении от «Мы», когда на первый план выходили проблемы адаптации к окружающей среде. По мере усиления разделения труда и перехода от политеизма к монотеизму, к «мы»-идентичности добавлялось множество «мы», связанных с разными сферами жизни общества и человека, а сословная структура общества жестко закрепляла субъекта внутри общества и предписывала идентичность и руководила идентификацией. Новое время породило «я»-идентичность, которая характеризовалась стремлением к созданию целостной личности, несущей ответственность за свои поступки. В XX веке, после войны, формируется «я'»-идентичность, в которой отсутствует устойчивое ядро, в силу чего субъект находится в процессе перехода от одного себя к другому, что вносит определенный хаос в его жизнь.

Заключение. История формирования идентичности есть непрерывный процесс перехода от «мы»-идентичности, основанной на подражании, к «я»-идентичности, формируемой на базе процессов обучения, и «я'»-идентичности, основанной на процессах переключения (перехода) от одной идентичности к другой.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, социализация, личность, общество, адаптация, агиттюд

Для цитирования: Чапля Т. В. Социокультурная динамика формирования идентичности // Сибирский педагогический журнал. – 2022. – № 2. – С. 18–29. DOI: <https://10.15293/1813-4718.2202.02>

Scientific article

Sociocultural Dynamics of Identity

Tatiana V. Chaplya¹

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The instability of the current situation and the forced search for oneself in the world of “current modernity”, by a requirement in forming in the process of socialization, authentication of personality able to be commuted from one identity to other.

Target. The subject of the author’s attention will be an analysis of the dynamics of identity formation in a historical context that has gone from “We” to “I” and “I’”.

© Чапля Т. В., 2022

Methodology and methods. The research is based on three scientific paradigms: 1) symbolic interactionism; 2) discursive approach; 3) sociology of knowledge.

Results. The dynamics of identity formation in the history of mankind has gone through at least three stages, in the direction from “We”, when the problems of adaptation to the environment came to the fore. As the division of labor intensifies and the transition from polytheism to monotheism, a lot of “we” are added to the “We”-identity, associated with different spheres of society and human life, and the class structure of society rigidly fixed the subject within society and prescribed identity and led identification. New time gave a rise to “I”-identity, which was characterized by the desire to create a holistic personality, responsible for their actions. In the twentieth century, after the war, an “I”-identity was formed, where there was no stable core, due to that the subject was in the process of transition from one self to another, and that brought a certain chaos into his life.

Conclusion. The history of identity formation is a continuous process of transition from “We”-identity, based on an imitation, to “I”-identity, formed on the base of processes of educating, and “I” identity, based on the processes of switching (transition) from one identity to other.

Keywords: identity, identification, socialization, personality, society, adaptation, attitude

For citation: Chaplya, T. V., 2022. Sociocultural dynamics of identity. Siberian Pedagogical Journal, no. 2, pp. 18–29. DOI: <https://10.15293/1813-4718.2202.02>

Введение. Постановка проблемы.

В современном обществе, характеризуемом З. Бауманом как «текущая современность», наиболее актуальными становятся проблемы поиска себя, своего места в мире. Такого рода процессы преследуют человека и человечество на протяжении всей истории существования и связаны с особенностями нашей психики. Самоопределение как на уровне индивида, так и на уровне групп меняется в зависимости от конкретной социальной ситуации в контексте синхронного существования и в конкретный исторический период в рамках диахронного среза. Понимание этих процессов и роли внешних и внутренних факторов в формировании и определении идентичности в ходе идентификации является не только актуальным, но и дискуссионным на протяжении второй половины XX в. и в начале XXI в., когда темп жизни набрал такую скорость, что возникает ощущение «гонки за собой», которая приводит только к ускользанию «себя от себя». Важную роль в процессе поиска идентичности играет понимание того, как этот процесс связан с ключевыми моментами формирования и развития личности: переход от подражания к обучению и умению быстрого переключения. Развитие ре-

бенка наглядно демонстрирует параллели с историей формирования идентичности в культуре и истории человечества в целом.

Обзор научной литературы.

Изучение феномена «идентичность» началось в 40–50-х гг. XX в., хотя поставлен и озвучен этот феномен был в 20–30-х гг. XX в. Впервые понятие «идентичность» было введено в научный оборот в рамках психологии, в частности в работах З. Фрейда, который связал его с потребностью ребенка в преодолении страха перед реальным миром. При этом ребенок ориентируется в своих ощущениях на образ сильного отца или матери. В своей работе «Массовая психология и анализ человеческого Я» Фрейд использует термин «идентификация», понимая под ним возникновение эмоциональной связи с другим лицом, которому ребенок начинает подражать. Исследование идентичности в психологической литературе ведут с 1930-х гг. XX в., связывая с именами Э. Фромма и Э. Эриксона. Э. Фромм в своем труде «Бегство от свободы» показал, что идентичность формируется в процессе осознания своей принадлежности к определенному миру, к определенной группе, в которой субъект занимает конкретное место. Фромм видит

в этом средство для человека избежать одиночества и каких-либо сомнений как в себе, так и в окружающем мире. Наибольшее значение в исследовании идентичности имеют работы Э. Эриксона, который понимал под ней процесс, состоящий из двух элементов: отражения и наблюдения. В ходе идентификации «индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и типами, значимыми для него» [20, с. 32]. Автор подчеркивает, что этот процесс не прекращается никогда и особенно во взрослом состоянии носит относительный и расширяющийся характер. Психологическая наука при описании идентичности делает акцент на степени осознанности субъектом или группами своей идентичности, делая при этом вывод о зависимости между степенью этой осознанности и устойчивостью личностного ядра.

Большой пласт исследований идентичности и процессов идентификации принадлежит социологии, в частности теории символического интеракционизма. Основоположниками здесь являются Дж. Мид и Ч. Кули, которые пользовались термином «самость», а не идентичность. Оба автора признают под идентичностью социальное образование, так как считают, что субъект формирует себя таким, каким его, по его мнению, видят другие. В связи с этим Ч. Кули ввел понятие «зеркального Я», а Дж. Мид предложил различать «Я-идентичность» и «Другого». При этом он утверждал, что человек приобретает идентичность в процессе взаимодействия с другими людьми и накапливая социальный опыт [21]. Благодаря работам Мида были выделены две структуры внутри идентичности: «... первая есть результат интернализации социальных ролей и ожиданий, вторая – активная инстанция, бла-

годаря которой индивид может не только идентифицироваться с интернализированными ролями, но и дистанцироваться от них» [11, с. 172]. В итоге индивид строит свою идентичность, сочетая два противоположных процесса: отождествление (как понимание своей принадлежности к кому-то кем он сам не является) и дистанцирование (как пониманием того, он что отличается от других).

Важным этапом в развитии теории идентичности стала социология знания, представленная работами П. Бергера и Т. Лукмана. Они впервые связали идентичность и социализацию, а именно с этапом вторичной социализации. На уровне первичной социализации, по мнению авторов, говорить об идентичности не имеет смысла, так как у ребенка нет возможности выбора идеала, на который можно и должно ориентироваться. Этот идеал и значимые другие заданы изначально. Только при расширении мира и контактов человек получает возможность оценивать себя с позиции обобщенного другого. Именно здесь происходит процесс осознания и поиска себя в структуре мира и общества, и этот процесс носит теперь перманентный характер, имеет разную степень глубины: от небольшого изменения, до иногда полного переформатирования себя в зависимости от меняющихся условий [4, с. 219, 279].

Так в рамках социологии было сформулировано понятие «социальной идентичности», основанное на соотношении субъектом своей принадлежности к определенной социальной общности, как следствие возникло исследование «национальной идентичности», «цивилизационной идентичности», «этнической идентичности» [1; 15; 16], «региональной идентичности» [5], «городской идентичности» [6], «территориальной идентичности» [7; 9]. В зарубежных исследованиях анализ феномена идентичности идет, в основном, в трех направлениях: самоидентификация [23], самокатегоризация [23], исследование не-

посредственно идентичности [22].

В современной науке исследование идентичности имеет весьма широкий спектр и осуществляется в рамках не только психологии, педагогики, социологии, но и философии, культурологии, этнологии, филологии и др.

Цель. Анализ динамики формирования идентичности в историческом контексте и ее связь с развитием личности, прошедшей путь от «Мы» к «Я» и «Я'» станет предметом внимания автора.

Методология и методы исследования. В качестве методологии будет использован дискурсивный подход, позволяющий вычленивть зависимость между процессом формирования идентичности и исторической ситуацией, находящей свое выражение в различных коммуникативных практиках и формах фиксации социального опыта. Вторая парадигма, на которую будет опираться исследование, символический интеракционизм, основанный на различении «Я» и «Другого», «принятии роли другого», лежащих в основе формирования идентичности. И третий подход – социология знания, рассматривающая роль среды и внешнего мира в формировании идентичности и ее осознании, признающий ее относительность и подвижность.

Результаты исследования. Обсуждение. Изучение исторической динамики формирования идентичности следует начать с определения понятия «идентичность». В психологии «идентичность представляет собой родовой архетипический комплекс» [10, с. 250], в социальных науках понятие идентичности, как правило, связывают с процессами осознания себя, самопонимания, самовыражения и одновременно признанием своей принадлежности к определенной общности: «идентичность – самосознание индивида или группы» [16, с. 50]. Имеется в виду возможность субъекта отождествлять себя не только с другими, но и с самим собой, умение вычленивть в этих других подобных

себе и объединяться с ними внутри других. То есть каждый человек для того, чтобы понять, кем он является, всегда должен это делать, понимая, кем он не является, а для этого нужен как минимум еще один человек. Наиболее эффективным способом формирования и осознания своей идентичности является непосредственная коммуникация «лицом-к-лицу». Практически все исследователи идентичности подчеркивают ее множественный характер, который способствует тому, что человек может реализовывать себя во многих сферах жизни (индивидуальной, общественной, профессиональной, экономической, религиозной, политической, культурной и т. д.), но такое положение дел может приводить к ситуациям конфликта между этими идентичностями, что вызывает иногда внутренний разлом личности. Зрелость личности, по мнению Ю. Хабермаса, «подтверждается в способности формировать новые идентичности и одновременно интегрировать их с ранее преодоленными идентичностями, чтобы организовывать себя и свои взаимодействия в своей неповторимой биографии» [15, с. 13].

В научной литературе наряду с термином «идентичность» используется и термин «идентификация» и «социализация». В психологии различие этих понятий основывается на признании того факта, что идентификация – это результат социализации индивида, его включение в жизнь социума и усвоение правил и форм взаимодействия в этом обществе, то есть формирование аттитюдов. Они во многом освобождают каждого из нас от необходимости вновь и вновь искать способы поведения в разных жизненных ситуациях. Стереотипизация такого рода реакций приводит к формированию паттернов поведения и поведенческих сценариев, закрепленных за определенными эмоциями и ситуациями. Под идентичностью понимают определенную заданность в силу принадлежности к роду человеческому, определенной груп-

пе, семье, и она проходит путь от бессознательного определения себя в ориентации на ближайший (чаще всего кровнородственный) круг значимых других до сознательного соотношения себя с какими-либо значимыми Другими, которые стали таковыми по определенным причинам. И таких «сознательных» идентичностей у каждого из нас может быть много, что свидетельствует о зрелости личности.

Также различие между идентичностью и идентификацией можно выстраивать по принципу: подвижное/устойчивое. При таком подходе идентичность связывается с тем, что фиксирует некий порядок и удерживает его на месте, а идентификация представляет собой процесс, который позволяет устанавливать связи между различными объектами, событиями, вне зависимости от скорости их протекания [12, с. 8].

И третье понятие – «социализация», оно отличается от первых двух тем, что представляет собой определенный набор признанных в обществе, группе социальных ролей, правил и способов поведения, которые при условии их усвоения позволяют человеку жить и развиваться относительно свободно в том или ином социуме.

В итоге в процессе социализации, которая, как и идентификация и идентичность, сопровождают человека всю его жизнь, каждый из нас получает готовые наборы социальных ролей и паттернов поведения, которые субъект в ходе идентификации усваивает, выбирает для себя наиболее оптимальные, а в результате формирует себя и свою самость, научается ее выражать и проявлять в различных жизненных ситуациях.

Исходя из заданных определений будет проведен анализ проявления и формирования идентичности в применении к историческому процессу развития человечества в целом, а не конкретных личностей и общностей.

Начало человеческой истории связано с формированием и закреплением программ поведения, способствующих вы-

живанию вида в окружающей природе, его адекватной деятельности в универсуме, что фиксируется в культурных универсалиях и сакральных текстах культуры [13, с. 273]. То есть ведущими были процессы адаптации к миру или поиск способов и средств возвращения в природную среду, разрыв с которой случился после перехода от биологических программ выживания к социальным; формирования социальных инстинктов, возникающих социальными инстинктами, передаваемых генетически. Направленность интересов во вне заставляла человеческие сообщества предпринимать совместные действия, попытки по подчинению этого внешнего мира путем закрепления своего места в нем, выработки определенных форм поведения, которые постепенно приобретали форму ритуала, повторяющего цепочку действий, обеспечивающих устойчивость и неизменность созданного порядка жизни. Одним из примеров такой идентификации коллектива с миром являлась магия, связанная с практической деятельностью, и предполагающая, что каждый участник магического действия не только знает, что он делает, но и зачем. Любые магические действия направлены на создание определенного эмоционального настроения. Здесь очень важен момент именно коллективного переживания, закрепленного за определенным событием (действием), в этот момент коллектив чувствует одно и то же, все должны испытывать одни и те же эмоции, все живут и дышат как один, в результате наблюдается проявление «мы», выраженное как коллективное «я», то есть формируется «мы»-идентичность, работающая по принципу «я»-идентичности. Участие в магических ритуалах, их присутствие на тот момент практически во всех действиях или событиях означает, что, во-первых, действия становятся предсказуемыми по отношению к событию (понятно, что будет и должна делать группа в определенной ситуации) и, во-вторых, реакции участни-

ков позволяют выявлять тех, кто солидарен с этим событием и его оценкой, что в свою очередь способствует формированию представлений о «правильности» совершаемых действий и испытываемых эмоций, что является основой для объединения и подтверждения себя внутри данного события или целого мира. Именно такие совместные действия, оформленные в виде ритуалов, преданий, и являются основой для «мы»-идентичности, закреплённой в коллективном «я».

Помимо магических действий, такую же роль играет и мифология, являющаяся основой осмысления окружающего мира, его структурирования и понимания его границ. Мифы, рассказываемые в определенное время, как правило вокруг костра, в определенном возрасте, формировали общую картину мира и смысл этого мира, насыщая его ценностями и нормами коллективного характера. Так постепенно магическое действие скреплялось с рассказом, нарративом, с помощью которого коллектив вписывал себя в мир, рассказывал себе этот мир. Благодаря такого рода рассказам, «люди становятся тем, кем они есть через “придумывание” историй о своей жизни, затем проживая эти самые жизни, которые они создали в рассказах о себе» [18, с. 16]. То есть рассказы опять же работали на формирование общих положительных или отрицательных эмоций, укрепляя чувство «Мы», укрепляя однозначность идентификации и не допуская вариативности, закрепляя общие воспоминания о происхождении мира, о предках, о героях и т. п. Закрепление общих эмоциональных переживаний способствует тому, что каждый член общества по мере взросления и прохода через различные обряды инициации будет включаться в эту коллективную «мы»-идентичность и идентифицировать себя с ней, а основным механизмом такого процесса будет выступать подражание.

В обществе, стремящемся к утверждению в природе, направленном на адапта-

цию к внешнему миру, и процессы идентификации не будут составлять какую-либо проблему, а идентичность будет выстроена весьма жестко и однозначно.

Дальнейшее усложнение форм организации совместной жизни означало дифференциацию структур, основанную на разделении труда, половозрастных различиях. Тем не менее этот процесс сопровождался дальнейшим ужесточением по отношению к отдельно взятому человеку, общественная структура не предполагала никакой свободы. В архаическом обществе на это работали ритуалы инициации, а в античном и средневековом – сословная структура, которые давались субъекту при рождении и определяли всю его дальнейшую жизнь, как на уровне действий, так и на уровне мыслей. Переход от политеизма к монотеизму мало что изменяет в плане «мы»-идентификации, она продолжает ориентироваться во вне, но если в древности этот внешний ориентир распространялся горизонтально, находился внутри самого коллектива, то теперь он направлен вертикально – вверх, и находится вне этого мира, но незримо в нем присутствует. Изменяется и характер воздействия на субъекта, в архаике он прямой, теперь он более опосредованный, использует средства «демонстрации и манифестации эталонных образцов “правильного” поведения и мироощущения» [14, с. 48]. Вплоть до эпохи Ренессанса главная задача, стоящая перед человеком – вписывание себя в существующую структуру, прежде всего в сословие – внешняя характеристика, а внутренняя – признание абсолютного идеала, достижение которого возможно только в будущем и только при соблюдении жестких правил, прописанных в заповедях, что было практически нереализуемо и стало в будущем почвой для перехода к другой, индивидуальной идентичности «я». Средневековье с его символизацией и иерархизацией очень жестко вписывало человека в свою структуру, но в соотношении с Высшим человеком

получал возможность осознать себя без отнесения к какой-либо страте, и в этом уже был заложен момент отхода от коллективной идентичности «мы» к индивидуальной «я». Проблема в том, что реализовать ее при жизни было невозможно.

В целом можно отметить, что формирование и существование «мы»-идентичности выполняло важные функции на определенном этапе развития человека и общества: во-первых, позволяло оформить и закрепить представление о месте, в котором проживал коллектив; во-вторых, вписать себя в определенную общность, приписать себе ее качества, действовать в соответствии с ее нормами и тем самым построить свою жизнь по определенным правилам. Наличие «мы»-идентичности также позволяет человеку избегать личной ответственности за свои поступки и происходящее вокруг. Если индивид соблюдает предписанные ему правила, действует согласно присвоенному имени в обряде инициации или крещения, тем самым он застрахован от неправильного поступка, он действует «как все», в таком случае он, конечно, не имеет свободы выбора, но при этом и не несет никакой ответственности. В этом ключе рассуждает М. В. Шакурова, замечая, что в средние века «...возникает интерес к индивидуальному обыденному жизненному пути и к межличностным повседневным отношениям. Несмотря на это, групповое сознание преобладает, а индивидуальное находится под сильным влиянием различий в социальном происхождении статуса» [19, с. 31].

Христианство впервые дало человеку свободу в проявлении себя в реальной жизни, возложив на него личную ответственность, но не перед земным, а высшим, божественным судом.

Основным механизмом социализации и идентификации, начиная с античных времен можно считать обучение или научение. Благодаря письменности передача знания стала более устойчивой с точки зрения

содержания, знаковый характер культуры позволял закреплять необходимую информацию и передавать последующим поколениям в неизменном виде, что способствовало развитию и формированию внутренней устойчивой идентичности, хотя и носящей все еще групповой характер.

Начиная с XIII в. ситуация начинает меняться. Все активнее на общественную арену выходят действия отдельно взятой личности, что наиболее явственно можно наблюдать в эпоху Ренессанса. Все основы как на уровне мировоззренческих установок, так и в реальной жизни подверглись глобальным трансформациям, которые только усиливаются в последующие столетия. Возрождение отдало преимущество двум моментам – новизне и учености. Гуманисты, несмотря на свою приверженность божественным идеям, стали отдавать должное отдельно взятой личности, ее поступкам и возможности прославиться при жизни, достичь бессмертия в глазах потомков. Именно этим можно объяснить распространение мемуаров, в которых должны были быть запечатлены героические поступки их автора. Конечно, это еще не совсем личность в нашем современном понимании, которая отличается от Другого. Для Ренессансного человека субъект – это выражение человеческой самости вообще, только выражение это достигалось индивидуальными усилиями и средствами, путем изобретения себя в одежде, в искусстве, в словесности и т. п. Такой человек все еще идентифицирует себя с Богом, но уже и противостоит ему, как, с одной стороны, его творение, и как самостоятельная единица, получившая в итоге право на творчество и «доделывание» мира до совершенства. Это такой вариант «я»-идентичности, обращенной к всеобщему, к Богу: «Гуманисты и художники итальянского Ренессанса увидели в человеке ... не вообще человека, а в себе, в своей социальной обстановке, в своем времени – возможность реализации божественных образцов» [2, с. 193]. Гума-

нисты верили, что каждый человек теперь может сам создать в себе «универсального человека», каждый должен был теперь сам путем индивидуальных усилий достигать и создавать в себе Вечное. Ренессанс был первой европейской культурой, которая осознала себя не только в рамках противостояния «Мы-Они», или «Свой-Чужой», что присуще всем архаическим культурам, но и обратилась к своим предшественникам, наследником которых она являлась и которым стремилась подражать, они были и своими и чуждыми одновременно, их нужно было как-то приспособить к современности, к своим нуждам. Изучая античность, они не просто подражали, они строили себя заново, на почве исторического наследия, и в этом была новизна, требовавшая осознания тождества с предками и одновременно отличия от них, что и составляет основу идентичности. Рождение этики, труды Макиавелли демонстрируют осознание зависимости своих действий не только от Всевышнего, но и от сложившихся условий, впервые родилось понятие ответственности и свободы выбора, пока, правда, только в отношении правителей, но в дальнейшем это распространится на всех членов общества.

Эпоха Нового времени, первая научная революция только усиливают описанные выше процессы. Несмотря на то что сословная структура до сих пор оказывает жесткое влияние на человека, выражением чего стал придворный этикет, осознание человеком себя и своего места в мире предполагает вписывание себя в ту страту, к которой он принадлежит по праву рождения. Каждый должен суметь мастерски сыграть предписанную ему роль: конечно, он получает ее вне зависимости от своего желания, но то, как он будет ее демонстрировать окружающим, теперь зависит только от него. Человек начинает «играть» с обществом, «казаться, а не быть» становится главным девизом в жизни. Придворного ценят за оригинальность представления себя.

Дворянин получает право на смерть, право на распоряжение своей жизнью благодаря дуэльному кодексу, если он считает себя таковым, им управляет понятие «чести». В этом выражается степень сформированности «я» и «мы» идентичностей, которые могут войти в противоречие. С точки зрения «мы», если говорить в отношении государства, то все подданные – собственность государя, и только ему дано право распоряжаться их жизнями. Как представитель своего сословия, придворный, получивший вызов, должен вести себя по определенным правилам в ситуациях защиты своей или родовой чести, и только он сам принимает решение участвовать или нет в этом процессе и насколько далеко в нем можно зайти. В эпоху Просвещения большое значение имеет понимание себя как отдельной единицы, идентичность придворного заключается в целостности, умении следовать своим собственным принципам, что определялось стремлением к самодисциплине, и что стало основой успеха в обществе.

Окончательное оформление «я»-идентичности происходит в конце XIX в., в эпоху буржуазных революций, когда произошел слом всех устоявшихся традиций и правил и пришлось устанавливать их заново. Именно в этот период «Я» начинает превалировать над «мы», когда сословий не стало, пришлось искать новые ценности и ориентиры своего поведения. Приходится учиться презентовать себя обществу, а для этого необходимо разобраться в себе, понять, что есть я сам, а не социальное во мне, насколько я свободен в отношении других. Если раньше первенствовала оппозиция «мы – они», то теперь «я – другой», если раньше можно было «спрятаться» за этикетные нормы взаимодействия между сословиями, то теперь, когда все на равных, эти нормы нужно переустанавливать и закреплять. Субъект эпохи буржуазных революций уже не так уверен в себе, но хорошо понимает, что принадлежит ему, а что другим. Он понимает, что не всегда

свободен в своих действиях, что многие события совершаются помимо его воли, как следствие возникает возможность осознания контроля за своими действиями, осознание своей зоны ответственности. Он также осознает, что меняется сам и мир вокруг, он начинает гонку за новыми впечатлениями, особую роль в этом играет память, которая сохраняет его уникальный опыт и позволяет легко идентифицировать себя как по отношению к другим, так и по отношению к ситуации. Память позволяет субъекту не только сохранять себя, но и думать о себе в соотношении с другими, здесь происходит взаимодействие двух типов идентичности: «я» и «мы». Именно память позволяет возникнуть такому явлению как «воображаемая идентичность» [8], в качестве нее могут выступать класс, раса, нация и т. п. «Так, житель большого города считает себя очень индивидуальным и своеобразным, но при этом охотно следует коллективным обезличивающим практикам» [8, с. 96].

Вторая половина XX в. вновь внесла коррективы в жизнь человечества. Помимо ускорения темпа жизни, произошла еще более глубокая дифференциация всех жизненных сфер, в которых человеку необходимо научиться жить и существовать. Если в предшествующие эпохи процесс шел к тому, чтобы сформировать целостную личность, равную себе, то в информационную эпоху это уже невозможно. С одной стороны, мир становится глобальным, и тогда следовало бы говорить о некоей всеобщей идентичности, но с другой стороны, заявить о ней человек может только сам, индивидуально и сформировать ее может только сам. Мир потерял свою устойчивость, он стал «текущим», он пришел в движение и его уже не остановить. Субъекту не на что опираться: все, что происходит вокруг, быстро меняется и требует постоянной корректировки, как со стороны самого субъекта, так и со стороны окружающих. Об этом пишет А. В. Харламов, описывая

специфику виртуализации пространства социальных связей: современный человек «оказывается способен работать со своим имиджем, одновременно позволяя окружающим оценивать его, а значит, и корректировать его в процессе такой оценки» [17, с. 111]. Раньше субъект получал свою идентичность, следуя определенным правилам, сегодня только находясь в процессе идентификации: «женщина или афроамериканец идентичны не потому, что этот субъект следует определенным правилам, а потому что он должен быть узнан именно в таком качестве» [8, с. 100]. А так как ситуации меняются стремительно, то, на наш взгляд, современную идентичность можно сравнить с постоянной переменной и назвать «я», как субъекта, который находится в состоянии перманентного поиска своей идентичности, самого себя.

Согласно З. Бауману, мы живем в эпоху «краткосрочной ментальности», характеризующуюся словом «гибкость». Его термин «текущая современность» означает состояние хаоса, когда мир потерял устойчивые границы, такой параметр как пространство утратил свою значимость, для нас важно – время, нам не важно «где», главное – «когда». Человек должен быть готов к существованию в условиях хаоса, смены условий, ситуаций, людей. Он живет от одного проекта к другому, при этом он не должен растрчивать себя на анализ своих неудач, иначе он выпадет из этого проекта и не вступит в следующий. Получается, что каждый раз нужно заново идентифицироваться с новыми условиями и при этом пытаться сохранить свою идентичность, что проблематично. Параметры личности подвержены постоянным переменам, соответственно «я» и становится символом современности, как постоянный поиск себя, своих целей и смыслов в жизни. По заявлению З. Баумана «проблема ... состоит не столько в том, чтобы обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентич-

ность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее выбранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [3, с. 300]. Для успешной жизни в постоянно меняющихся условиях необходимо отсутствие прочных эмоциональных связей с другими участниками, они выступают в роли фона или средств достижения целей на короткое время. Современность требует от института образования передачи не столько накопленного опыта, сколько формирования в человеке навыков переключения с одной идентичности на другую, формирования «гибкой личности».

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что человечество и человек прошли путь от осознания себя через

«мы»-идентичность, формирование которой предполагало ориентацию вовне, поиск возможной адаптации к среде путем подражания «своим», к «я»-идентичности как стремлению создать себя, но как представителя сословия в процессе обучения, то есть тоже ориентированного во вне, но связанного уже с адаптацией больше к социальным условиям существования и к «я»-идентичности, вынужденной формировать и переформировывать себя постоянно, как уже направленную больше внутрь, в себя, где еще можно найти что-то устойчивое, позволяющее в разных ситуациях чувствовать равенство самому себе, но при этом требующее умения меняться и не привязываться к чему-то эмоционально, то есть умения быть «гибким».

Список источников

1. *Аришинская С. Э.* Методологическая рефлексия идентичности // Вестник ЧитГУ, – 2010. – № 3 (60). – С. 21–26.
2. *Баткин Л. М.* Собрания избранных работ в 6 томах. Т. 1 Люди и проблемы итальянского Ренессанса. – М.: Новый хронограф, 2015. – 832 с.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: МЕДИУМ, 1995. – 323 с.
5. *Головнева Е. В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 42–50.
6. *Горнова Г. В.* Структура городской идентичности // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 3 (20). – С. 14–16.
7. *Железняк О. Е.* Идентификация как идеология развития территории города. Цветовые парадигмы // Вестник ИрГТУ. – 2004. – № 4 (20). – С. 98–102.
8. *Марков А. В.* Постмодерн культуры и культура постмодерна. Лекции по теории культуры. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 256 с.
9. *Михайлов В. Ю.* Комплексный подход к идентификации границы территориальной общности // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2016. – № 10. – С. 92–98.
10. *Морогин В. Г.* Психологическая концепция идентичности // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 11. – С. 233–253.
11. *Пятецкий Л. Л.* Идентичность в мировой социологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Филология. – 2009. – № 2 (10). – С. 172–176.
12. *Сурова Е. Э.* Идентификационный принцип в культуре // Международный журнал исследований культуры. – 2010. – № 1 (1). – С. 6–17.
13. *Тихомирова Е. Е.* Русская азбука как текст культуры // Мир культуры и культурология: альманах. – СПб.: НОКО, 2018. – С. 271–282.
14. *Флиер А. Я.* Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (окончание) // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 41–54.
15. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. – Донецк: Донбасс, 1990. – 123 с.
16. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской идентичности. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. – 635 с.
17. *Харламов А. В.* Рекламные коммуникации в социальных сетях // Connect-Universum-2012: Влияние новых медиа на сознание и поведение молодежи: междисциплинарный сборник статей. – М.: АСТ, 2012. – С. 10–14.

плинарный подход. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2012. – С. 111–113.

18. *Чернобровкина Е. И.* Дискурс и идентичность // Вестник Бурятского государственного университета. – 2018. – № 2, т. 2. – С. 14–18. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-2-14-18.

19. *Шакурова М. В.* Социально-педагогические условия становления социокультурной идентичности. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – 200 с.

20. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кри-

зис. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.

21. *Mead G. H.* Mind, Self and Society – Chicago: Press. Uni. of Chicago, 1975. – 248 p.

22. *Striker S., Burke P. J.* The Past, Present and Future of on Identity Theory // Social Psychology Quarterly. – 2000. – Vol. 63, № 4. – P. 284–297.

23. *Tajfel H., Turner S. C.* The Social Identity Theory // Handbook of Theories of Social Psychology. – London: SAGE Publications Ltd., 2012. – P. 399–417.

References

1. Arshinskaya, S. E., 2010. Methodological reflection of identity. Chita State University Journal, no. 3 (60), pp. 21–26. (In Russ., abstract in Eng.)

2. Batkin, L. M., 2009. Collection of selected works in 6 volumes. T. 1. People and problems of the Italian Renaissance. Moscow: New chronograph Publ., 832 p. (In Russ.)

3. Bauman, Z., 2005. Individualized society. Moscow: Logos Publ., 390 p. (In Russ.)

4. Berger, P., Lukman, T., 1995. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. Moscow: MEDIUM, 323 p. (In Russ.)

5. Golovneva, E. V., 2013. Regional identity as a form of collective identity and its structure. Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research, no. 5, pp. 42–50. (In Russ., abstract in Eng.)

6. Gornova, G. V., 2018. The structure of urban identity. Humanitaria Studia, no. 3 (20), pp. 14–16. (In Russ., abstract in Eng.)

7. Zheleznyak, O. E., 2004. Identification as an ideology for the development of the city territory. Color paradigms. Bulletin of ISTU, no. 4 (20), pp. 98–102. (In Russ., abstract in Eng.)

8. Markov, A. V., 2019. Postmodern culture and culture of postmodern. Lectures on the theory of culture. Moscow: RIPOL classic Publ., 256 p. (In Russ.)

9. Mikhailo, V. Yu., 2016. An integrated approach to identify the boundaries of a territorial community. Regional problems of transforming of economy, no. 10, pp. 92–98. (In Russ., abstract in Eng.)

10. Morogin, V. G., 2011. Psychological concept of identity. Siberian Pedagogical Journal, no. 11, pp. 233–253. (In Russ., abstract in Eng.)

11. Pyatetsk, L. L., 2009. Identity in world sociology. Science Journal of Volgograd State University. Series 7. Philosophy, no. 2 (10),

pp. 172–176. (In Russ., abstract in Eng.)

12. Surova, E. E., 2010. Identification principle in culture. International Journal of Cultural Research, no. 1, pp. 6–17. (In Russ., abstract in Eng.)

13. Tikhomirova, E. E., 2018. Russian alphabet as a text of culture. World of Culture and Culturology: Almanac. St. Petersburg: NOKO Publ., pp. 271–282. (In Russ., abstract in Eng.)

14. Flier, A. Ya., 2015. The evolution of culture as a socio-regulatory system (end). Bulletin of the Chelyabinsk Academy of Culture and Arts, no. 1 (41), pp. 41–54. (In Russ., abstract in Eng.)

15. Habermas, Y., 1990. In Search of National Identity. Philosophical and political articles. Donetsk: Donbass Publ., 123 p. (In Russ.)

16. Huntington, S., 2004. Who are we? Challenges to American Identity. Moscow: AST Publ., Tranzitkniga Publ., 635 p. (In Russ.)

17. Kharlamov, A. V., 2012. Advertising communications in social networks. Connect-Universum-2012: The impact of new media on the consciousness and behavior of young people: an interdisciplinary approach. Tomsk: National Research Tomsk State University, pp. 111–113. (In Russ., abstract in Eng.)

18. Chernobrovkina, E. I., 2018. Discourse and Identity. Bulletin of the Buryat State University, no. 2, vol. 2, pp. 14–18. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-2-14-18. (In Russ., abstract in Eng.)

19. Shakurova, M. V., 2006. Socially pedagogical terms of becoming of sociocultural identity. Voronezh: VSPU Publ., 200 p. (In Russ.)

20. Erickson, E., 2006. Identity: youth and crisis. Moscow: Flinta Publ., MPSI Publ., Progress Publ., 352 p. (In Russ.)

21. Mead, G. H., 1975. Mind, Self and Society. Chicago: Press. Uni. of Chicago, 248 p. (In Eng.)

22. Striker, S., Burke, P. J., 2000. The Past, Present and Future of on Identity Theory. Social

Psychology Quarterly, vol. 63, no. 4, pp. 284–297. Identity Theory. Handbook of Theories of Social Psychology. London: SAGE Publications Ltd., (In Eng.)
23. Tajfel, H., Turner, S. C., 2012. The Social pp. 399–417. (In Eng.)

Информация об авторах

Т. В. Чапля, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, chap_70@mail.ru, ORCID 0000-0001-9712-7478, Новосибирск, Россия

Information about the author

Tatiana V. Chaplya, Dr. Sci. (Cultur.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Museology, Theory and History of Culture, Novosibirsk State Pedagogical University, chap_70@mail.ru, ORCID 0000-0001-9712-7478, Novosibirsk, Russia

Поступила в редакцию 11.01.2022
Принята редакцией 09.03.2022

Submitted 11.01.2022
Accepted by the editors 09.03.2022